

Д. В. Козлов

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ МЭРА В ИРКУТСКЕ В 2010 Г.

Ключевые слова: выборы, элита, социальная идентификация, территориальное сообщество, приватное пространство, массы

Политическая система, сложившаяся в России, обладает одним довольно неприятным для политической науки качеством — она всячески противится описанию. Общество, в том числе профессиональное сообщество, все больше разделяется, по определению А. Филиппова, на «посвященных» и «просвещенных»¹. Посвященные предпочитают не участвовать в публичном обсуждении особенностей принятия властных решений, просвещенные же не имеют доступа к информации, которая позволила бы им дать сколько-нибудь адекватное описание ситуации и политических механизмов, ее породивших. Они вынуждены трактовать немногочисленные видимые проявления работы системы с точки зрения существующих и далеко не всегда адекватных концепций, не имея возможности выработать иные.

В этом плане особый интерес для исследователей российской политики представляют сбои в работе политической системы. Именно они на краткий миг обнажают скрытые рычаги политики, дают возможность приблизиться к ней на расстояние интимного контакта, делают ее доступной для изучения. К таким сбоям в работе системы, бесспорно, относятся проходившие в 2010 г. выборы мэра Иркутска, к анализу которых мы и предполагаем обратиться далее. Однако прежде чем переходить к изложению событийной канвы иркутских выборов-2010, необходимо более четко обозначить позицию, с которой наш анализ будет проводиться.

¹ См. Бляхер 2006.

**Региональные
элиты
и приватное
пространство
масс**

Прежние дискуссии, посвященные специфике российского транзита, рассматриваемого как переход «от чего-то к чему-то» (например, от «проклятого советского прошлого» к «светлому капиталистическому будущему» или от одной «цивилизационной парадигмы» к другой), сменялись попытками выделить устойчивые характеристики современного

российского политического режима. Так или иначе, научные споры строятся вокруг возможности использования классических политологических концептов применительно к российским реалиям. Исследователям, признающим такую возможность², противостоят приверженцы теории «особого пути», требующего специального концептуального оформления³. Интересно, однако, что в основе обоих подходов лежит «элитарная» трактовка политического процесса.

² См., напр. Гельман 2009.

³ См. Сурков 2008: 48—51.

⁴ Крыштановская 1995: 46—49.

«Элитарность»⁴ этих предельно различных моделей имеет под собой достаточно серьезные основания, связанные со спецификой взаимодействия между элитой и массами, сложившейся в постсоветское время. После краткого периода массовой политической включенности и активного рекрутирования наиболее «пассионарной» части граждан в ряды элит начала 1990-х годов началась стабилизация состава элиты и постепенное вытеснение масс из политического процесса. Постепенно сформировалась вполне замкнутая когорта причастных к принятию решений и допущенных к разделу советского трофея, жестко отделенная от остального населения. Вопреки бытовавшему когда-то мнению, что в ходе трансформации социализма в капитализм произойдет конвертация власти номенклатуры в обретенную ей собственность (Л.Троцкий), в постсоветской России одни и те же группы получили и власть, и собственность.

Обновление элиты, ограниченное и эпизодическое, осуществлялось лишь за счет интеграции в федеральную элиту отдельных представителей элиты региональной (например, «нижегородской группы» во главе с Б.Немцовым и С.Кириенко)⁵ и выпадения из элиты лиц, нарушивших внутриэлитные соглашения. В целом же каналы рекрутирования в элиту на общероссийском уровне были крайне узкими и случайными, а абсолютное большинство населения в элитные игры просто не включалось. Для обеспечения лояльности населения использовалась «популистская рента» — государственная опека и частная благотворительность. Но если в глазах большей части общества такая ситуация обмена материального благополучия на лояльность представляла вполне приемлемой, то для оттесненных от власти «пассионариев» она означала катастрофу. Это стало одной из причин (наряду со многими другими) поддержки антиолигархической кампании В.Путина. Однако приход во власть на рубеже веков новых групп отнюдь не означал появления институциональных форм⁶ рекрутирования в политический класс. Попытки создания канала восходящей мобильности из «Единой России», «Наших» или «Молодой гвардии» пока успехом не увенчались. Элита и массы продолжают существовать отдельно.

⁵ Гаман-Голутвина 2004.

⁶ Дука 2008.

Но элитные группы, сложившиеся в социальном пространстве данной конкретной общности, не только оказывают влияние на социально-экономические и политические процессы, не только принимают общественно значимые решения, но и выступают зримым воплощением успеха⁷. Именно на них ориентируется население, когда путь попадания в элитную группу («социальный лифт») более или менее прозра-

⁷ Бляхер, Канарский 2000.

чен. Презентация элиты выступает условием и показателем престижности той или иной сферы деятельности, задает критерии достижительной активности. Исходя из представлений об элитах, выстраивается иерархия престижей, формируется более или менее ясное представление о «социальной лестнице». Опираясь на эти представления, социальный агент осуществляет выбор, определяет стратегию поведения, организует коммуникацию со «своими» и «чужими», выстраивает социальную идентификацию.

В ситуации, когда отнесение к элитным группам оказывается проблемным, когда отсутствуют четкие критерии такого отнесения, начинают «замутняться» и сами параметры успешности. Социальная реальность утрачивает предсказуемость, приобретает черты «общества риска», где успех — это случайность, а не результат сознательных усилий индивида.

Еще более тяжелыми последствиями чревато отсутствие четкого механизма отбора, рекрутирования в элитные группы. В этом случае формируются две непересекающиеся между собой реальности: реальность элиты и реальность населения. Каждая из них существует по своим правилам, выступая для другой в качестве системы неформальных отношений. Легальное законодательство, фиксирующее «среднее арифметическое» между этими реальностями, лишается легитимности и нарушается как с одной, так и с другой стороны. Коррупция — и бытовая, и на уровне власти — достигает в этих условиях чудовишных размеров, превращаясь в стандартную форму общественного бытия, а собственно закон становится «высшей планкой риска»⁸, за которой прекращается социально-экономическая активность.

⁸ Панях 2001.

Национальные лидеры встают перед необходимостью выработки общих для всех стандартов. Но поиск таких стандартов часто подменяется рефлексией элиты, понимаемой в данном случае как изолированная от остального общества субгруппа, своего рода замена общества. Массы не могут (да и не особенно рвутся) выразить свои ценности и установки. Ключом к политическому поведению становится лояльность по отношению к той или иной группе, а не поддержка общих принципов. Ситуация усложняется тем, что большинство групп, участвующих в политическом процессе, претендует на выражение отдельного мировоззрения и лишь некоторые группы связаны с конкретными и специфическими интересами. Диффузный характер групп приводит к тому, что каждая из них стремится выработать свой собственный — с точки зрения целей и задач — подход к политическим действиям. Взаимосвязь целей и задач в этих условиях носит скорее органический, нежели рациональный и функциональный характер. В политическом дискурсе очень сложно разделить дискуссии о желаемых обстоятельствах и анализ возможных задач политического действия.

Описанное положение дел далеко не всегда ведет к фатальным последствиям. Оно в принципе может устраивать обе стороны. Если у элиты имеется некий внешний ресурс (в нашем случае — углеводород-

ный), позволяющий ей осуществлять свою деятельность, не вторгаясь в социальное пространство масс, а массы включены в распределительную систему или обладают собственными («серыми», «теневыми») источниками существования, то консенсус может быть достигнут. Власть живет за счет внешнеторговых операций, выплачивая населению популистскую ренту и старательно не замечая социально-экономической «тени», в которой это население обитает. В результате возникает нечто вроде «гомеостаза» Л.Гумилева. Однако при всей стабильности такого состояния оно оказывается крайне хрупким перед лицом внешних изменений или внутренних конфликтов. Так, падение цен на энергоносители в конце 1980-х — начале 1990-х годов стало толчком к развалу отечественной экономики. Не менее важно и то, что подобное общество чрезвычайно чувствительно к нарушению границ между элитой и неэлитой, причем как с одной, так и с другой стороны. Любое вторжение в чужое пространство вызывает мгновенную и жесткую реакцию типа массовых выступлений протеста в Приморье в 2008 г. или недавних событий на Манежной площади. Примером такой реакции являются и репрессии по отношению к «либеральной оппозиции», действия которой воспринимаются властью как посягательство на «чужую территорию»⁹.

⁹ Алексеевкова, Сергеев 2008.

В особенно сложном положении здесь оказываются региональные элиты, специфика которых состоит в двойной легитимации.

В постсоветскую эпоху легитимность региональных элит в глазах населения стала определяться их способностью «производить порядок»¹⁰ на вверенной им территории и, что немаловажно, противостоять «Москве» (федеральным элитам). Смысл такого противостояния заключался в защите местных «теневых» сфер, служивших для населения основой его *приватного*, практически интимного, пространства, без которого просто невозможно существовать. Применительно к этим сферам региональные власти и выступали в роли силовых операторов.

¹⁰ Волков 2002.

Но легальность (а частично — и легитимность) региональные власти получали именно «из центра». Потому каждое региональное правительство и примыкающие к нему группы были вынуждены проводить достаточно сложную политику, пытаясь угодить двум «легитиматорам». Наличие двух источников легитимации и обеспечивало им значительную свободу рук на своей территории, особенно когда речь не шла о наиболее политически или экономически значимых регионах, а лояльность к «центру» выражалась безоговорочно. Многочисленные «хозяева тайги», «начальники Чукотки» и другие «крепкие хозяйственники» утвердились к концу 1990-х годов на просторах страны. Именно они первоначально были инициаторами выстраивания договорных отношений с населением в логике «стационарного бандита» М.Олсона¹¹ (социальный патронаж, производство порядка и невмешательство в «серую» сферу социально-экономического взаимодействия в обмен на лояльность, политическое неучастие и признание права на изъятие части экономического продукта). Как правило, такая позиция, включая «антимосковскую» риторику, обосновывалась спецификой региона¹² и

¹¹ Олсон 1998.

¹² Ишаев 1998.

невозможностью (нежеланием) учесть ее «из Москвы». Региональные власти и, шире, региональные элиты позиционировали себя в качестве защитников этой специфики.

Однако в начале текущего столетия столичный «легитиматор» стал постепенно оттеснять второго участника процесса легитимации региональных элит. На первом этапе, после перехода к назначению губернаторов, этот сдвиг проявился лишь в усилении выражений лояльности по отношению к «центру», не затронув самих региональных политических практик, но затем дело дошло и до них. Претендуя на роль универсального «защитника», в том числе и на региональном уровне, «Москва» сделала ставку на внерегиональных акторов, в наименьшей степени связанных с местным сообществом и представляющих федеральные элиты. Соответственно, попытки местного руководства в полном объеме осуществлять свои традиционные функции теперь воспринимаются не как эффективное управление территорией, но как прямое посягательство на прерогативы федеральной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ощущение слабости и неустойчивости побуждает различные группы региональной элиты ориентироваться на достижение краткосрочных, прежде всего корпоративных, целей, что неизбежно отражается на их способности к «производству порядка», особенно в неформальной сфере. Не менее сложно складываются отношения и с федеральным центром. В системах, подобных современной российской политике, институт политической ответственности, если даже он и предусмотрен законом, не действует на практике. Все решения обычно принимаются на самом верху, но ответственность за «плохие» решения спускается вниз, в регионы. По сути, региональным властям навязывается роль «нерядовых слуг», которых и должен рассудить ненадолго захвативший «барин», принадлежащий к элитам иного уровня. Не случайно в последнее время получили такое распространение совещания «на местах», проводимые первыми лицами — как правило, в прямом эфире. Региональные политические акторы прекрасно понимают эту механику и, когда принимается серьезное решение, стараются заранее подстраховаться и перевести ответственность на кого-нибудь другого. Подобный политический «пинг-понг» не добавляет популярности ни федеральным, ни региональным властям. Вместо почти полновластных принципалов, осуществляющих власть на территории, возникают агенты с не вполне понятным объемом полномочий.

Подобное изменение ситуации воспринимается населением не столько как появление нового защитника¹³, сколько как измена старого. И чем интенсивнее взаимодействует региональная власть с федеральным центром, тем меньше доверия она вызывает. Отсюда вполне объяснимая мобилизация населения, связанная с ожиданием агрессивных действий со стороны власти, теперь уже выглядящей вполне единой, по отношению к его приватному пространству, оставшемуся без защитника. Именно такую мобилизацию мы наблюдали в начале прошлого года

¹³ Бляхер 2010.

в Иркутске, где выборы мэра из пьесы, расписанной по всем законам драматургии, вдруг превратились в интерактивное действие с непредсказуемым финалом.

**Иркутские
выборы-2010:
пьеса
с неожиданным
финалом**

Кратко изложим канву событий. Сравнительно недавно назначенный губернатор Д.Мезенцев, ранее представлявший область в Совете Федерации, предложил действующему мэру Иркутска В.Якубовскому, отношения с которым были далеки от идеальных, сменить кресло в мэрии на освободившееся место в «сенате». Собственно, желание губернатора иметь «своего» человека в качестве мэра столичного города вполне закономерно. При ином раскладе региональное политическое поле превращается в ристалище, где происходит бесконечное выяснение отношений между наиболее влиятельными фигурами в мэрии и региональном правительстве. Именно так и обстояло дело в Иркутске при Якубовском, возглавлявшем городскую администрацию более 10 лет, — вне зависимости от того, кто занимал пост губернатора области. Политический ход Мезенцева, позволивший ему избавиться от «трудного» мэра без силового давления, эксперты в тот момент сочли «виртуозным»¹⁴.

¹⁴ Мезенцев б.г.

Таким образом, кресло мэра Иркутска оказалось вакантным. На него претендовали четыре кандидата. Двоих из них выдвинули политические партии (С.Серебренникова — «Единая Россия», В.Кондрашова — КППРФ), двое (депутат местного Законодательного собрания А.Романов и пенсионерка Л.Корякова) были самовыдвиженцами. «Человеком губернатора» был экс-мэр Братска Серебренников, и это обстоятельство не только не скрывалось, но и всячески подчеркивалось. В ходе выборов использовались баннеры, изображавшие «одну команду» (губернатора и кандидата). От лица Мезенцева рассылались письма с призывом проголосовать за достойного (Серебренникова) и т.д.

На первом этапе в роли главного оппозиционного кандидата, решившего канализировать вполне осязаемое недовольство иркутян, выступал Романов. Его стратегия строилась на конкуренции между «столичным» Иркутском и «промышленным» и «криминальным» Братском. Соответственно, он позиционировал себя как представителя Иркутска, не желающего допустить к власти в родном городе чужака-братчанина. Стремясь избежать столкновений и обеспечить «гладкие» выборы, губернаторская команда начала оказывать сильнейшее давление на конкурента и в конце концов добилась снятия его с предвыборной дистанции. Но это не ослабило напряжения, а лишь усилило недовольство иркутян и их нежелание участвовать в «технических» выборах. Претензии к Серебренникову были уже озвучены, и после всех «антиромановских» коллизий он однозначно воспринимался в городе не просто как «чужак», но как чужак, навязываемый губернатором¹⁵. Между тем и сам губернатор отнюдь не входил в число «своих». Он был «новым» человеком, «питерцем», назначенным в область. И поскольку, как было показано выше, региональная власть в такой ситуации осмысливается не

¹⁵ Иркутского
губернатора б.г.

столько в качестве защитницы населения, сколько в качестве источника потенциальной агрессии, давление губернатора на электорат было расценено как вторжение власти в частное пространство граждан.

Последствия не заставили себя ждать. «Технические выборы» обернулись сокрушительным поражением Серебренникова, за которого проголосовало лишь около 27% избирателей. Победу одержал единственный не «технический» конкурент кандидата от власти — Кондрашов, получивший более 62% голосов. Корякова набрала 4,02%.

Тот факт, что неожиданные проигрыши кандидатов на пост мэра от «Единой России» бывали и раньше (Волгоград, Смоленск, Архангельск), заставляет предположить, что мы имеем дело не с уникальным случаем, а с проявлением некоей общей закономерности. Попробуем рассмотреть ее на примере Иркутска.

Как известно, в основе заявленной стратегии современной российской власти лежит стремление оптимизировать управление в стране. Именно этим стремлением оправдывалось конкретное институциональное решение, связанное с переходом к назначаемости губернаторов.

В случае Иркутской области реализация этой стратегии привела к неоднозначным результатам, далеким от поставленных целей. За короткий период здесь сменилось несколько губернаторов (А.Тишанин, И.Есиповский, Мезенцев), каждый из которых лишился доверия президента, как только пытался проводить сколько-нибудь самостоятельную линию. И хотя иркутские руководители различались по своим управленческим подходам и стилям, одно оставалось неизменным — отсутствие преемственности в управлении областью и нехватка укорененных в региональном сообществе институциональных механизмов такого управления. Если «старые» губернаторы могли использовать для продавливания нужного решения реликтовый авторитет, оставшийся с той поры, когда именно они устанавливали правила игры, то их преемники оказались лишены и этой возможности. Соответственно, восприятие их в качестве агентов столичного принципала и потенциальных агрессоров, готовых вторгнуться в частное пространство населения, уже не смягчается традицией.

В этих условиях выборы нового мэра Иркутска превратились в «краш-тест» для губернаторской команды, в проверку ее на прочность и, главное, на способность отстаивать интересы основного «легитиматора» — федерального центра. В иркутском случае можно говорить о столкновении нескольких логик. Первая из них — это логика неформального разрешения политических конфликтов, задействующая бизнес, различные уровни власти, административный ресурс, партийный ресурс «Единой России», советские технологии работы с населением (встречи кандидата с учебными и трудовыми коллективами, включение мобилизационного механизма массовой поддержки, выступления по региональному телевидению со звонками в студию, агитация на улицах и площадях). Ведь первоначальная интенция власти состояла именно в том, чтобы заменить «конфликтного» Якубовского на «своего человека»,

члена «команды», причем сделать это по возможности тихо, не обостряя ситуацию. Не случайно предпочтение было отдано не публичной борьбе компроматов и выборных технологий, где губернаторская команда обладала несомненными преимуществами, а снятию оппозиционного Романова.

Второй логикой, реализовавшейся в ходе избирательной кампании, была логика выборной демократии, не укрошенной, не «суверенизированной». Третьей — логика граждан, на приватность которых осуществляется массированное наступление при постоянном сокращении возможностей для легального протеста. Наличие второй логики, идущей от не забытых еще с начала 1990-х годов традиций выборности, и оказалось каналом выражения недовольства населения.

Логика неформального разрешения конфликтов проявляется через искусство управлять с помощью создаваемых властью и ею же контролируемых сущностей. Для «суверенной» демократии собственно демократия выступает в роли субститута, подлежащей манипуляции и укрошению (но не умерщвлению) субстанции. Выборы, сводящиеся к публичному выражению лояльности со стороны населения, позволяют власти презентовать себя в качестве представителя «целого», низводя любую оппозицию до выразителя интересов части (либералов, криминалитета и т.д.). В этом контексте и воплощается властная рациональность, выстраивается властный дизайн — выбрать нужного человека, решить проблему, все четко «оптимизировать». В результате такой «оптимизации» властное решение должно осуществляться сразу на всех уровнях, без излишне сложной «политики». Но на пути реализации данного сценария встала логика граждан. Региональная власть уже превратилась в глазах иркутян в непонятный институт с неопределенным набором функций, а дистанцированное от власти общество жестко охраняет свое пространство и совсем не радо прямому вторжению в сферу, которую привыкло рассматривать как приватную.

Обнаружилась невозможность прямой трансляции властного импульса. В 1990-х годах региональная власть и население представляли собой единое приватное пространство региона, противопоставленное «Москве». На этом и основывался механизм влияния губернатора как «равнодействующей» внутрирегиональных сил на результаты голосования. Сегодня же, как мы постарались показать выше, губернатор (особенно недавно назначенный) в гораздо большей степени «государево око», чем лидер местного сообщества. Будучи «острием» вторжения власти в приватность населения, он не может использовать прежние каналы передачи властных импульсов территориальному сообществу, а новые каналы не выстроены. В Иркутске, где, в отличие от «новых» городов Сибири и Дальнего Востока, местные традиции, неформальные связи играют огромную роль, отсутствие таких каналов ощущается особенно остро. Наличие старого университета и университетского сообщества, широкие неформальные контакты между интеллигенцией, отесненной от власти, но тем не менее влиятельной, и «старой» бизнес-

элитой, во многом рекрутированной из университетской среды, — все это работало против Серебренникова и поддерживающего его губернатора.

Губернаторская команда применила стандартный для последних лет набор приемов по «технологизации» выборов. Сначала было задействовано региональное отделение «Единой России». Заметим, что в современной России институт политических партий является скорее барочной лепниной, декорирующей политический режим, нежели его несущей конструкцией. По существу, региональные отделения «партии власти» задумывались как площадка для переговоров местных элитных групп, пространство их консолидации. Однако в условиях резкого изменения функций региональной власти и падения уровня поддержки ее населением переговорная площадка превращается в инструмент (крайне неэффективный) контроля над региональными элитными группами и ринг, где они выясняют отношения.

Весьма показателен в этом плане казус Романова, пошедшего на самовыдвижение, будучи депутатом Законодательного собрания от «Единой России». Подобное нарушение партийной дисциплины пытаются обуздать партийными же средствами, но механизм не действует. Конфликт разрастается — сначала в рамках регионального отделения ЕР, где у Романова находятся сторонники, особенно среди представителей «старых» элит, а затем и на более широком уровне. Проиграв «партийное сражение», «мятежный» единокорсс выступает с обращением к народу, в котором (в духе раннего Жириновского) обещает снизить тарифы ЖКХ. Популистский характер подобного обещания очевиден, но для нашего рассмотрения важнее то, что Романов использует понятный и привычный для населения дискурс «хозяина». Более того, его оппозиционность вполне соотносима с традиционной для региональных структур оппозиционностью «Москве». Иными словами, сознательно или бессознательно самовыдвиженец воспроизводит «старый» дискурс региональной власти, тем самым позволяя идентифицировать себя в качестве «своего» всем, кто в той или иной степени был «отодвинут» новой элитой. Именно нарастание поддержки «своего» Романова со стороны горожан и вынудило губернаторскую команду прибегнуть к технологии снятия по формальным основаниям. Казалось бы, выборы вполне можно «спасти» для Серебренникова. Но с исчезновением признанного «своим» оппозиционного кандидата не исчезает оппозиционность населения. Лишившись возможности проявить собственную волю, оно хочет хотя бы «показать фигу» власти.

Интересна логика региональной бизнес-элиты, ведь именно из ее среды вышел победивший кандидат. Предпринимателя Кондрашова — плоть от плоти «старой» областной бизнес-элиты — можно отнести к так называемым «блуждающим атомам», ищущим политической карьеры не ради ее самой, а для прикрытия капитала, продвижения интересов своего бизнеса в представительных органах власти и т.п. Тот факт, что поиски Кондрашова завершились встречей с КППФ, тоже не случаен.

Если «Единую Россию» можно сравнить с «VIP-клубом», то КПРФ как заявленная структурная оппозиция давно превратилась в обычного участника политического рынка, предоставляющего политическую крышу той части бизнеса, которая по тем или иным причинам не получила ее от «Единой России». В условиях, когда «Единая Россия» поддерживает в основном федеральный бизнес (прежде всего в лице общероссийских ФПГ), КПРФ становится прибежищем местного бизнеса, связанного с интересами регионального или городского сообщества. Правда, в этих условиях вымывается политический (номинальный) смысл существования КПРФ, ее оппозиционность формализуется, но именно такая неидеологическая оппозиционность и делает ее оптимальной структурой для канализации недовольства населения. КПРФ в иркутском ее варианте на короткий миг стала действительно оппозиционной партией. Реликтовые политические структуры, присутствующие в политическом пространстве современной России главным образом с декоративной целью, вдруг оказались наполнены реальной жизнью.

Помимо отмеченной «близости» к губернатору, подобранный губернаторской командой кандидат обладал набором черт, которые, если верить общероссийским опросам общественного мнения, вполне позитивно оцениваются населением¹⁶. Он имел опыт комсомольской и «силовой» деятельности в советском прошлом. Как и «национальный лидер», он был офицером КГБ. В постсоветские годы он был связан экономическими интересами с группой О.Дерипаски, а соответственно, с одним из основных в области производств — алюминиевым. Не новичком он был и в управлении городским хозяйством, возглавляя второй по значению в области город Братск. Иными словами, он был тем самым «крепким хозяйственником» и «государственником», которого, согласно опросам, так жаждут видеть во власти жители России.

Но все его «плюсы» оказались «минусами». Он «москвич» (связь с Дерипаской), он чужой (опыт работы в Братске) для города и городского сообщества. Далеко не в пользу кандидата в университетском центре, да еще с бэкграундом места ссылки, сработал имидж офицера КГБ. В результате губернаторская рациональность, подкрепленная вертикалью власти, обернулась неэффективностью. Из воздействия легитимной власти, предлагающей «оптимальное решение», она превратилась в структурное насилие, а те самые технологии, которые еще совсем недавно обеспечивали желаемый результат, стали осмысляться как недопустимое, немотивированное вторжение в частную сферу.

Развивавшаяся подспудно неконтролируемость политического процесса выходит на поверхность, и после начала «возгонки» непонятного и неприемлемого для населения кандидата проблемы растут как снежный ком. Игнорирование региональной специфики, причем не только специфики Иркутской области, но специфики субъекта Федерации как политической структуры и одновременно территориального сообщества, приводит к тому, что выстраиваемые как проекция центральной вертикали технологические властные решения, которые можно

¹⁶ Рейтинг б.г.

четко и по-военному оперативно сформулировать (решаем проблему, определяем круг задействованных нужных людей и т.п.), дают обратный эффект.

Опыт выборов мэра Иркутска наводит на мысль, что за отказом центральной власти и ее региональных агентов учитывать сложившиеся в регионе политические практики и интересы скрывается их неспособность видеть что-либо, кроме сконструированного ими же социального объекта, именуемого «народ». В расчет не были приняты ни неформальные настроения региональных, в том числе интеллектуальных, элит (в этом плане показательно поведение вице-губернатора А. Битарова, подавшего заявление об отставке со своего поста), ни традиционное расхождение интересов севера (Братска) и юга (Иркутска) области, ни наличие очень сильных протестных настроений. В итоге блестящий ход нового губернатора, казалось бы позволяющий безболезненно посадить на место мэра «нужного» человека, повис в воздухе, не получив своего логического завершения.

Эксперты уже давно обратили внимание на то, что протестные настроения в Иркутске растут быстрее, чем где бы то ни было, хотя истоки данного феномена по-прежнему остаются неясными. Возможно, здесь сказался высокий образовательный и культурный уровень Иркутска, претендующего на статус «Сибирских Афин». Возможно, причина в том, что экономика области, на протяжении довольно долгого времени развивавшаяся почти обособленно от экономики остальной страны, сейчас полностью поглощена общероссийскими ФПП, что негативно отразилось на бизнес-климате региональной столицы. Но как бы то ни было, факт остается фактом. Именно неопределенное и невысказанное чувство протеста и составляло фон выборов. Основным объектом, на который оказался направлен протест, стала власть, уже не разделяемая на федеральную и региональную. Эта «рассеянная», «рассредоточенная» протестность была сродни ветру, который мог надуть любые паруса. Как справедливо заметил один из экспертов, «если бы не случилось Кондрашова, проголосовали бы за бабушку (Корякову — Д.К.)». С таким «природным» явлением не могла справиться никакая предвыборная технология.

Голосуя за Кондрашова, иркутяне руководствовались отнюдь не желанием видеть его на посту мэра. Они просто выражали протест. И подобное голосование — гораздо более надежный показатель процессов, происходящих в нашем обществе, нежели многочисленные опросы населения, демонстрирующие стабильно высокую поддержку «национальных лидеров».

Несмотря на то что пьеса под названием «Выборы мэра Иркутска» получила неожиданный, не предусмотренный сценаристами финал, сам факт наличия «пьесы» крайне значим. Даже в условиях полного выхолащивания их действительного смысла выборы представляют собой сложное, непредсказуемое действие. Чтобы они оставались техническими, должно существовать четкое неформальное соглашение между

элитой и массами. При малейших признаках того, что соглашение нарушено одной из сторон, выборы вновь превращаются в авантюру, приключение, исход которого нельзя просчитать заранее. В этом своем виде они могут оказаться опасными для власти, жаждущей не реальных выборов, а выражения всеобщей лояльности, что, в свою очередь, может породить желание еще больше «приручить» демократию. Но такое приручение грозит власти очень серьезными проблемами. Ведь не будь выборов, накопившееся недовольство вполне могло выплеснуться в акции, сходные с протестами на Манежной...

Библиография

Алексеев Е.С., Сергеев В.М. 2008. Темный колодец власти (О границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // *Полис*. № 3.

Бляхер Л.Е. 2006. *Революция задним числом. Краткий отчет о проекте «Анализ понятия и метафоры «революция» в современном политическом дискурсе»* (<http://www.gar.ru/?grup=69&doc=1610>).

Бляхер Л.Е. 2010. Государство и несистемные сети «желтороссии», или Заполнение «пустого пространства» // *Полития*. № 1.

Бляхер Л., Канарский Д. 2000. Феномен успеха и фискальные стратегии во властном пространстве: сеанс одновременной игры // *Вестник Хабаровской академии экономики и права*. № 2.

Волков В.В. 2002. *Силовое предпринимательство*. — М.

Гаман-Голутвина О.В. 2004. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // *Полис*. № 3.

Гельман В. 2009. Тупик авторитарной модернизации // *Pro et Contra*. № 5—6 (47).

Дука А.В. 2008. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 11. № 1.

Иркутского губернатора просят прекратить произвол // *Клуб регионов* (<http://club-rg.ru/r38/news/12468/>).

Ишаев В.И. 1998. *Особый район России*. — Хабаровск.

Крыштановская О. 1995. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. № 1.

Мезенцев убрал мэра повыше (<http://club-rg.ru/r38/news/10620/>).

Олсон М. 1998. *Возвышение и упадок народов. Экономический рост. Стагфляция. Социальный склероз*. — Новосибирск.

Панеях Э. 2001. Формальные правила и неформальные институты их применения в российской экономической практике // *Экономическая социология*. № 3 (www.ecsoc.mses.ru).

Рейтинг представителей российской элиты (<http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=11157>).

Сурков В. 2008. *Тексты 97—07: Статьи и выступления*. — М.